

УДК 34**Плутократия как власть меньшинства****Керимов Александр Джангирович**

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Сектор конституционного права и конституционной юстиции,
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10;
e-mail: 8017498@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется феномен концентрации власти в руках экономически доминирующего меньшинства как устойчивой модели политической организации современных обществ. На основе историко-социологического анализа раскрываются механизмы воспроизводства плутократической системы, ее адаптации к изменяющимся условиям и кризисные тенденции в современных западных демократиях. Особое внимание уделяется диалектике взаимного превращения экономического и политического капитала, а также роли государственного аппарата в легитимации существующего порядка. Рассматриваются противоречия современного капитализма, проявляющиеся в деградации политических элит, маргинализации классового анализа в научном дискурсе и новых формах социального протеста. Делается вывод о системном характере кризиса властных отношений и необходимости фундаментальной трансформации социальной организации.

Для цитирования в научных исследованиях

Керимов А.Д. Плутократия как власть меньшинства // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 2А. С. 247-254.

Ключевые слова

Властные элиты, плутократия, политическое господство, классовые отношения, экономическое принуждение, кризис элит, капитализм, социальное неравенство, институциональное насилие, цивилизационный кризис.

Введение

Феномен концентрации власти в руках привилегированного меньшинства представляет собой устойчивую характеристику политической организации современных государств. Историко-политический анализ свидетельствует, что подобная модель управления нередко сопровождается использованием репрессивных механизмов и институционального насилия, направленных на сохранение существующего порядка. Эти практики, приобретая порой крайние формы, демонстрируют фундаментальное противоречие между декларируемыми демократическими принципами и реальными механизмами осуществления власти.

Эмпирические данные подтверждают устойчивую тенденцию к снижению качественного уровня правящих элит в странах западного мира. Когнитивный анализ публичной деятельности ключевых политических фигур (включая 46-го президента США Дж. Р. Байдена, вице-президента К. Харрис, бывших британских премьеров Б. Джонсона и Л. Трасс, а также министра иностранных дел Германии А. Бербок) выявляет системные признаки профессиональной деградации: непоследовательность в принятии решений, противоречивость публичных заявлений, снижение уровня политической ответственности. Особенно рельефно эти тенденции проявились в контексте украинского кризиса, где стратегические просчеты западных элит привели к эскалации регионального конфликта.

Основное содержание

Концепция цивилизационного кризиса, разработанная А. С. Панариным [Панарин, 1999], предоставляет методологическую основу для интерпретации наблюдаемых процессов. Согласно данной парадигме, современный кризис элит представляет собой не изолированное явление, а симптом системной трансформации западной цивилизационной модели. Прослеживается четкая корреляция между прогрессирующей депрофессионализацией правящего класса, его отрывом от базовых социальных интересов и общим снижением эффективности управленческих институтов.

Наблюдаемый системный кризис механизмов воспроизводства политических элит в западных демократиях требует глубокого теоретического осмысления в контексте более широких цивилизационных процессов. Как справедливо отмечает Панарин [Панарин, 1999], современная деградация управленческого класса отражает фундаментальное исчерпание пятивековой парадигмы западного доминирования, что свидетельствует о закономерном характере происходящей глобальной трансформации.

Данный кризис необходимо рассматривать через призму феномена политического доминирования узких социальных групп, который, несмотря на свою историческую устойчивость, сегодня проявляет признаки системной дисфункции. Этот феномен, будучи продуктом действия объективных социально-исторических факторов, демонстрирует удивительную живучесть в различных общественных формациях, что объясняется комплексом взаимосвязанных детерминант.

Особую актуальность этот анализ приобретает применительно к современным сложноорганизованным обществам, для которых характерны высокая степень социальной дифференциации и развитая институциональная структура. Историко-социологические исследования однозначно подтверждают существование прямой корреляции между усложнением социальной системы и профессионализацией управленческого аппарата. При этом

важно подчеркнуть, что принципиальная невозможность спонтанной самоорганизации крупных социальных образований создает объективную основу для возникновения и воспроизводства институционализированных структур власти, которые в современных условиях и переживают кризис легитимности.

Функциональное обоснование элитарного правления вытекает из базовой потребности социума в осуществлении управленческих функций. В отличие от волевых концепций власти, данный подход акцентирует внимание на объективной необходимости существования управляющей подсистемы. Историческая практика демонстрирует устойчивую воспроизводимость механизмов делегирования властных полномочий, которые реализуются как через добровольное признание авторитета, так и через институциональные формы принуждения.

Генезис властной иерархии следует рассматривать как естественный продукт эволюционного развития социальных систем. Этот процесс отражает действие универсальных закономерностей социальной организации, где функциональная дифференциация выступает необходимым условием поддержания системной целостности. Многообразие конкретно-исторических форм реализации властных отношений не отменяет принципиальной устойчивости самой модели элитарного управления.

Доминирование управляющего меньшинства в современных обществах действительно представляет собой объективно обусловленный механизм поддержания социального порядка, однако эта модель требует тщательного анализа своих структурных оснований. Как показывает исследование властных отношений, структурное превосходство правящего меньшинства над управляемой массой не является случайным феноменом, а отражает глубинные закономерности политической организации общества.

В этой связи особую значимость приобретает классический тезис Г. Моски [Моска, 1994, с. 189] о ключевой роли количественной ограниченности элиты как фактора её организационного превосходства. Однако современные исследования позволяют углубить это положение, выявляя более сложные механизмы элитной консолидации.

Фундаментальной основой такой консолидации, как демонстрирует исторический анализ, выступает не просто организационное преимущество, но глубинная целевая ориентация правящих групп на сохранение и расширение властных полномочий. Примечательно, что даже при наличии серьезных идеологических разногласий и конфликтов интересов, представители политического истеблишмента демонстрируют удивительную способность находить компромиссные решения. Эта поведенческая модель объясняется прежде всего осознанием системных рисков, связанных с эскалацией внутриэлитных противоречий, которые могут привести к дестабилизации всей социальной системы и, как следствие, к утрате самих оснований элитного статуса.

Механизм элитной консолидации основывается на рациональном расчете: потенциальные издержки открытого конфликта существенно превышают выгоды от временного тактического преимущества. Эта закономерность особенно ярко проявляется в кризисных ситуациях, когда угроза утраты властных позиций мобилизует элитные группы на преодоление внутренних разногласий. Таким образом, властная мотивация выступает как системообразующий фактор, обеспечивающий устойчивость политического порядка даже в условиях существенных внутренних противоречий правящего класса.

Феномен политической пассивности большинства населения представляет собой сложный социально-психологический феномен, корни которого уходят в глубинные механизмы

человеческого поведения и социальной организации. Как отмечал Ф. де Ларошфуко, естественная склонность человеческой психики избегать когнитивных усилий формирует устойчивую тенденцию к минимизации участия в сложных политических процессах. Однако этот психологический фактор составляет лишь один аспект многослойной проблемы, требующей комплексного анализа.

Современные исследования выявляют три взаимосвязанных фактора, определяющих политическую апатию населения. Во-первых, значительная часть общества демонстрирует выраженную психологическую интровертированность, проявляя сосредоточенность на личностных проблемах и ограниченную мотивацию к общественной деятельности. Эта характеристика соответствует современным концепциям социальной активности, где существенный сегмент населения занимает позицию сознательного неучастия в политической жизни.

Во-вторых, важную роль играет институциональный фактор - широко распространённое среди граждан убеждение в ограниченной эффективности политического участия. Данное представление подкрепляется эмпирическими наблюдениями, свидетельствующими о недостаточной прозрачности и эффективности механизмов обратной связи между электоральной активностью и реальными политическими решениями.

В-третьих, сохраняющаяся социально-экономическая дифференциация продолжает оставаться существенным барьером для политической вовлечённости. Несмотря на глобальный технологический прогресс, около 9,2% мирового населения (по данным Всемирного банка за 2023 год) продолжает жить в условиях крайней нищеты. Как справедливо отмечал Б.Н. Чичерин, постоянная борьба за удовлетворение базовых потребностей существенно ограничивает возможности политического участия наименее обеспеченных слоёв населения.

Парадоксальным образом, именно этот дисбаланс между активным политическим меньшинством и пассивным большинством обеспечивает устойчивость современных политических систем. Однако подобная модель содержит в себе серьёзные риски, связанные с нарастающим разрывом между управляющими и управляемыми, что требует глубокого теоретического осмысления и выработки эффективных механизмов повышения политической вовлечённости граждан.

Политическая элита как социальная группа обладает специфическими характеристиками, которые обеспечивают ее доминирующее положение в системе властных отношений. Эти качества следует рассматривать не как абсолютные достоинства, а как социально обусловленные компетенции, соответствующие требованиям конкретной исторической эпохи и социально-экономической формации. В условиях капиталистической системы наблюдается парадоксальная ситуация: к числу востребованных качеств политического класса относятся как позитивные характеристики (инициативность, предприимчивость, креативность), так и негативные черты (гипертрофированный индивидуализм, беспринципность, чрезмерная ориентация на личную выгоду).

Современный капитализм с его слабо регулируемыми рыночными механизмами, редуцированными формами демократии и доминированием потребительских ценностей создает специфическую среду для формирования политической элиты. Эта среда селективно поощряет такие качества, как агрессивная конкурентность, инструментальная рациональность и адаптивная гибкость, которые в своей совокупности часто противоречат традиционным моральным нормам. При этом нельзя отрицать, что капиталистическая система одновременно стимулирует развитие и позитивных характеристик - инновационного мышления,

ответственности и стратегического видения.

Данное противоречие отражает фундаментальную двойственность капитализма как социально-экономической системы, которая одновременно и деформирует, и развивает человеческий потенциал. Именно эта амбивалентность во многом объясняет устойчивость власти политического меньшинства - его представители оказываются наиболее адаптированными к требованиям существующей системы, независимо от моральной оценки их личных качеств. Таким образом, феномен элитарного правления предстает как сложный результат взаимодействия индивидуальных характеристик и системных требований социально-экономической организации общества.

Анализ властных структур в исторической перспективе позволяет выявить устойчивую закономерность: политическое господство неизменно принадлежит экономически доминирующему меньшинству. Этот феномен, известный как плутократия, представляет собой систему, при которой власть концентрируется в руках наиболее состоятельных социальных групп. Исторический материализм, основываясь на работах В.И. Ленина [Ленин, 1970, с. 15], трактует данное явление через призму классовых отношений, где экономически господствующий класс одновременно осуществляет и политическое доминирование.

Современный капитализм довел эту систему до логического завершения, заменив прежние формы эксплуатации, прикрытые идеологическими оболочками, на открытую экономическую зависимость. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс [Маркс, Энгельс, 1970, с. 27-28], буржуазная эпоха радикально трансформировала социальные отношения, сведя их к "чистогане" - денежному эквиваленту. Эта трансформация, несмотря на кажущуюся прогрессивность, сохранила сущностное неравенство: концентрацию богатства и власти в руках узкой социальной группы.

Особенность современного этапа заключается в том, что экономическое принуждение приобрело институционализированные формы, создавая видимость справедливости и законности. Однако, как показывает анализ классовой структуры, фундаментальные отношения эксплуатации сохраняются, лишь меняя свои внешние формы. Плутократическая система продолжает воспроизводиться благодаря механизмам экономического доминирования, которые обеспечивают политическое влияние собственников капитала.

Актуальность классического марксистского анализа, представленного в "Манифесте Коммунистической партии", находит свое подтверждение в устойчивости фундаментальных механизмов капиталистической системы. Несмотря на произошедшие за два столетия трансформации, такие базовые характеристики как концентрация богатства и власти, экономическое принуждение и эксплуатация труда не только сохранились, но и приобрели новые формы реализации. Эта устойчивость плутократической модели власти особенно рельефно проявляется при анализе властных отношений в классовом обществе, которые представляют собой сложную систему взаимного воспроизводства экономического и политического господства.

Исторический анализ убедительно демонстрирует, что устойчивая концентрация материальных ресурсов в руках узкой социальной группы возможна исключительно благодаря наличию институциональных гарантий, обеспечиваемых государственным аппаратом. При этом государство, включая его репрессивные механизмы, выполняет ключевую функцию защиты и воспроизводства существующих отношений собственности. Данный процесс раскрывает диалектическую природу взаимосвязи политической власти и экономического господства: с одной стороны, властные полномочия обеспечивают доступ к контролю над средствами

производства и финансовыми потоками, с другой - концентрация экономических ресурсов создает необходимые условия для приобретения и удержания политического влияния.

Этот самовоспроизводящийся цикл взаимной конвертации экономического и политического капитала достиг в современных условиях небывалой степени институционализации. Особенность современной капиталистической системы заключается именно в том, что механизм взаимного превращения власти и богатства не просто сохранился, но и получил полную легитимацию в рамках существующего правового порядка. Однако за фасадом формальной законности скрывается неизменная сущность этих отношений: государственный аппарат продолжает выполнять свою историческую функцию защиты интересов экономически доминирующего класса, что находит подтверждение как в исторических аналогиях, так и в современных реалиях, где уровень экономического неравенства прямо пропорционален степени политического влияния.

Подобная системная устойчивость плутократического устройства современных обществ, сохраняющего вопреки всем историческим трансформациям свой фундаментальный принцип - взаимное обеспечение экономического и политического господства привилегированного меньшинства, - объясняет наблюдаемый сегодня парадокс научного дискурса. С одной стороны, мы видим сознательную маргинализацию ключевых категорий социально-экономического анализа ("капитализм", "империализм", "антагонистические классы", "эксплуатация"), особенно усилившуюся после геополитических изменений конца XX века. С другой стороны, эвристическая ценность этих понятий не только не уменьшилась, но и возросла в условиях отсутствия социалистической альтернативы, когда описываемые ими социальные явления стали проявляться с невиданной ранее отчетливостью и универсальностью. Этот концептуальный сдвиг отнюдь не случаен - он отражает целенаправленную стратегию господствующих групп по депроблематизации структурного неравенства и натурализации существующего порядка вещей.

Глобальное доминирование капиталистической модели привело не к исчезновению классовых противоречий, а к их качественной трансформации. В современных условиях социальные конфликты редко принимают форму открытого классового противостояния, что объясняется комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, существенную роль играют механизмы символического насилия (в терминологии П. Бурдьё), обеспечивающие добровольное подчинение доминируемым классом. Во-вторых, фрагментация рабочего движения в условиях постиндустриальной экономики существенно ослабила потенциал организованного сопротивления. В-третьих, развитие системы "социального партнерства" создало эффективный инструмент маскировки глубинной асимметрии властных отношений.

Тем не менее, латентное сопротивление капиталистической системе продолжает существовать, принимая новые, зачастую неожиданные формы - от локальных социальных движений до глобальных антисистемных протестов. Характерно, что это сопротивление, как правило, лишено четкой идеологической программы, что, однако, не отменяет его принципиальной значимости как индикатора сохранения фундаментальных социальных противоречий. Именно эти противоречия классическая марксистская теория идентифицировала как антагонистические. В этом контексте сознательный отказ от использования адекватного концептуального аппарата предстает не просто как методологическая проблема, но и как существенное препятствие для критического осмысления современных социальных отношений, что в конечном счете работает на сохранение существующей системы господства.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о природе и механизмах функционирования современной системы властных отношений. Феномен концентрации власти в руках экономически доминирующего меньшинства, исторически сложившийся как плутократическая модель управления, демонстрирует удивительную устойчивость, несмотря на глобальные социально-политические трансформации.

Современный капитализм, достигший высшей стадии своей институционализации, сохранил сущностные характеристики эксплуататорской системы, лишь модернизировав их внешние формы. Диалектика взаимного превращения экономического и политического капитала создала самовоспроизводящийся механизм, где государственный аппарат выполняет функцию защиты интересов правящего класса, обеспечивая легитимность сложившегося порядка.

Однако наблюдаемый кризис элит в западных демократиях свидетельствует о глубинных противоречиях этой системы. С одной стороны, сохраняется классическая модель элитарного господства, с другой - нарастают признаки ее системной дисфункции: депрофессионализация управленческого класса, его отрыв от социальных реалий, снижение эффективности институтов власти. Эти процессы, рассматриваемые в парадигме цивилизационного кризиса (А.С. Панарин), отражают исчерпание пятивековой парадигмы западного доминирования.

Парадоксальным образом, маргинализация в научном дискурсе ключевых категорий классового анализа ("эксплуатация", "антагонистические противоречия") не отменяет их эвристической ценности, а скорее подчеркивает актуальность классического марксистского подхода. Современные формы социального протеста, хотя и лишены четкой идеологической программы, подтверждают сохранение фундаментальных противоречий капиталистической системы.

Таким образом, анализ властных отношений в исторической перспективе позволяет говорить о системном кризисе сложившейся модели управления, который требует глубокого теоретического осмысления и поиска новых форм социальной организации. Перспективы преодоления этого кризиса связаны не с косметическими реформами, а с фундаментальной трансформацией всей системы общественных отношений, направленной на преодоление антагонистических противоречий и установление подлинно справедливого социального порядка.

Библиография

1. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
2. Моска Г. Правящий класс. (Печатается по: Mosca G. The Ruling Class. New York. 1939). Социологические исследования. 1994. № 10.
3. Афоризмы: По иностранным изысканиям. Сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин. Предисл. Н.М. Грибачева. 3-е изд. перераб., доп. М.: Прогресс, 1985.
4. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб.: Издательство РХГА, 2005.
5. Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»). Полн. собр. соч. Издание пятое. Издательство политической литературы. М., 1970. Том 39. Июнь – декабрь 1919.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1970.

Plutocracy as the rule of the minority

Aleksandr D. Kerimov

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Chief Research Fellow,
Constitutional Law and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
119019, 10 Znamenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 8017498@mail.ru

Abstract

The article examines the phenomenon of concentration of power in the hands of an economically dominant minority as a stable model of political organization of modern societies. Based on historical and sociological analysis, the mechanisms of reproduction of the plutocratic system, its adaptation to changing conditions and crisis tendencies in modern Western democracies are revealed. Particular attention is paid to the dialectic of mutual transformation of economic and political capital, as well as the role of the state apparatus in legitimizing the existing order. The contradictions of modern capitalism are considered, manifested in the degradation of political elites, the marginalization of class analysis in scientific discourse and new forms of social protest. A conclusion is made about the systemic nature of the crisis of power relations and the need for a fundamental transformation of social organization.

For citation

Kerimov A.D. (2025) Plutokratiya kak vlast' men'shinstva [Plutocracy as the rule of the minority]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (2A), pp. 247-254.

Keywords

Power elites, plutocracy, political domination, class relations, economic coercion, elite crisis, capitalism, social inequality, institutional violence, civilizational crisis.

References

1. Panarin A.S. (1999) *Rossiya v tsiklakh mirovoy istorii* [Russia in the Cycles of World History]. Moscow: Izd-vo MGU, 1999.
2. Mosca G. (1994) "Pravyashchiy klass" [The Ruling Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 10. (Printed from: Mosca G. *The Ruling Class*. New York, 1939).
3. Aforizmy: Po inostrannym istochnikam [Aphorisms: From Foreign Sources]. (1985). Comp. by P.P. Petrov, Ya.V. Berlin. Preface by N.M. Gribachev. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Progress.
4. Chicherin B.N. (2005) *Sobstvennost i gosudarstvo* [Property and State]. Saint Petersburg: Izd-vo RKhGA.
5. Lenin V.I. (1970) *Velikiy pochinit* [The Great Initiative]. In: *Poln. sobr. soch.* [Complete Works], 5th edition. Moscow: Politicheskaya literatura, vol. 39 (June-December 1919).
6. Marx K., Engels F. (1970) *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Manifesto of the Communist Party]. Moscow: Politizdat.